

С. П. БИБИКОВ

О ДАТИРОВКЕ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖИЩ КРЫМА

При реконструкции ландшафтов палеолитического времени исследователи рисуют иногда картины очень резких различий между древними и современными формами рельефа. Точно так же, изучая современную конфигурацию древних скалистых убежищ, исследователи, не всегда считаясь с объективными данными, проводят резкое различие между древним и современным положением скалистых убежищ на склонах, а также несколько преувеличивают различие между древним и современным их видом. В настоящем сообщении хотелось бы, на примере наблюдений, сделанных в Крыму, обратить внимание на некоторые вопросы, помогающие правильнее оценить степень изменчивости ландшафтов в горных областях на протяжении времени от плейстоцена до современности.

Изучение элементов рельефа в горных областях юга нашей страны в связи с древнейшей историей человека, ведется уже сравнительно давно. Особенно успешно исследования такого рода проводятся на Кавказе и в Крыму. Изучение пещер, как мест поселений древнего человека, тоже ведется в течение нескольких десятков лет. За это время довольно подробно разработана методика исследования пещерных убежищ. Ведется изучение местной стратиграфии, распределения культурных слоев и горизонтов в плоскостном и вертикальном направлениях, прослежены некоторые закономерности в характере отложений пещерного типа. Из всего комплекса вопросов, связанных с исследованием пещерных отложений, пожалуй, слабее всего изучен вопрос о связи пещерных отложений с историей данного рельефа. В свое время работы Г. Ф. Мирчинка и В. И. Громова послужили обнадеживающим началом для решения этих вопросов (Громов, 1948). Однако их идеи не получили широкого развития.

Смелая попытка связать историю развития рельефа горной части Крыма с историей человека принадлежит геологам Н. И. Николаеву, М. В. Муратову и Е. В. Шанцеру. Опираясь на археологическую датировку отдельных палеолитических местонахождений, данные палеонтологии и, в особенности, на размещение палеолитических местонахождений по отношению к уровням речных водоемов, Н. И. Николаев пришел к любопытным выводам. Один из них, прямо касающийся археологов, гласит: «Искать древнейшие остатки палеолита в пределах долин горного Крыма нужно в навесах и пещерах, располагающихся выше уступа надпойменной террасы, то есть выше 18—20 м над дном реки» (Николаев, 1940, стр. 53). Материалы, дающие представление о высоте залегания пещерных палеолитических местонахождений относительно современного уровня

рек, на первый взгляд как будто подтверждают точку зрения Н. И. Николаева.

На какой относительной высоте располагаются основные палеолитические местонахождения Крыма? Киик-коба и Кош-коба — на высоте 150 м над уровнем р. Зуи; Чокурча 7—8 м над ур. р. М. Салгир; Волчий Грот 17—18 м над ур. долины Бештерек; Шайтан-коба 20 м над ур. р. Бодрак; Староселье близ Бахчисарая 11 м над дном ущелья Кап-Дер и на 20 м над ур. р. Чурук-Су; Сюрень I и II — 10 м над ур. р. Бельбек по Г. А. Бонч-Осмоловскому (по Н. И. Николаеву на 15—17 м); Шайтан-коба и Фатьма-коба 5—6 м над ур. ручья Кубалар-Су. Такие же низкие отметки по отношению к пониженным участкам рельефа (долинам рек и ручьев, оврагам, балкам и т. п.) имеют и некоторые послепалеолитические пещерные местонахождения (Буран-Кая и др.).

Следуя за Н. И. Николаевым, мы как будто получаем картину закономерного размещения палеолитических пещерных поселений согласно их древности. По Н. И. Николаеву, наиболее древние пещерные стоянки занимают самые высокие отметки на склоне (Киик-коба), более поздние несколько снижаются (Шайтан-коба, Волчий Грот, Сюрень I) и, наконец, послепалеолитические местонахождения тяготеют к уровню I надпойменной террасы. Вследствие разработанности рельефа к голоценовому времени они могут иметь и разные отметки, вплоть до самых высоких (поселения в пещерах Чатыр-Дага, стоянки на Яйле).

В построении Н. И. Николаева, несмотря на оригинальность, все же имеются весьма уязвимые места. Прежде всего высотные отметки, приводимые для различных пещерных местонаждений, не отражают временных взаимоотношений между ними. Так, например, Киик-коба и Волчий Грот дают разницу в уровне расположения более 130 м, между тем как культурно-исторические данные не позволяют говорить о большом временном разрыве между археологическими материалами из верхнего слоя Киик-кобы и материалами из Волчьего Грота.

Внося поправку к высотному расположению Сюрени I, Н. И. Николаев полагает, что орипьякский возраст навеса Сюрени I может быть перенесен на конец ресс-вюрма и начало вюрма, а точнее на первую половину вюрмского века. В свете новых данных, дающих возможность предполагать каспийский вариант развития верхнего палеолита Крыма, некоторое «омолаживание» остатков палеолитического человека из Сюрени I возможно, но это потребует некоторой временной растяжки для предшествующих эпох и вероятного оставления нивелировочной отметки для Сюрени I, данной Г. А. Бонч-Осмоловским.

Серьезную поправку вносит в схему Н. И. Николаева древнепалеолитическое поселение в Чокурчинском гроте. Стоянка в Чокурче располагается всего на 7—8 м выше уровня р. М. Салгир (приток основной водной артерии Крыма — р. Салгира). Отдельные скопления археологических остатков, простиравшиеся на площадке перед гротом, залегают еще ниже по отношению к уровню реки. Н. И. Николаев сразу же отметил несоответствие археологической датировки Чокурчинской схеме, т. е. слишком низкое расположение стоянки на склоне. В то же время автор решительно отрицает какие бы то ни было следы молодых эпейрогенических опусканий или наличие оползневых явлений, повлиявших на столь низкое расположение грота по отношению к уровню М. Салгира. Не находя, таким образом, геологического объяснения столь низкому расположению Чокурчинского грота, автор неожиданно (и только для этого случая) настаивает на пересмотре датировки археологических материалов из Чокурчи в сторону значительного омоложения их.

Между тем, несмотря на несущественные расхождения в датировке Чокурчи, колеблющиеся в пределах апшель-мустье, для коренного пересмотра возраста Чокурчи нет никаких оснований. Материалы из Чокурчинского грота стоят в генетической связи с Киик-кобинским комплексом и относятся к среднему палеолиту. Здесь не место возвращаться к анализу археологических материалов из Чокурчи с целью закрепления за ними датировки средним палеолитом. Укажу только, что элементарное сопоставление материалов из Киик-кобы (верхний слой), Чокурчи, Шайтап-кобы и Сюрени I (нижний слой) дает вполне надежную опору для датировки Чокурчи временем не моложе мустье. Если же высотную отметку Чокурчи согласовать со схемой Н. И. Николаева, то стоянка должна быть помещена в группу мезолитических местонахождений или, на худой конец, в группу позднейших палеолитических памятников. Не думаю, что с этим согласится кто-нибудь из археологов или палеонтологов.

В Чокурче, как известно, помимо архаических кремневых орудий, найдена и плейстоценовая фауна, содержащая остатки мамонта, пещерного медведя, пещерной гиспы, шерстистого посорога. Одно перечисление названных животных, не говоря об остатках культуры человека, делает невозможным коренной пересмотр датировки Чокурчи. Если принять во внимание, что Чокурча и верхний слой Киик-кобы не слишком разобщены во времени и что ясно выраженных памятников с большим набором инвентаря типа Чокурчи и верхнего слоя Киик-кобы в Крыму еще пока не встречено, то исключение Чокурчи из схемы Н. И. Николаева снижает достоверность схемы на 50%.

Мне представляется, что Н. И. Николаев несколько переоценил маржирующее значение уровней расположения пещерных образований в Крыму. Автор при реконструкции обстановки, в которой встречаются пещерные палеолитические местонахождения, почти в каждом случае готов поднять уровень рек в плейстоцене до уровня расположения пещер (Волчий грот, Шайтап-коба) (Николаев, 1940, стр. 43, 45, рис. 3,5). Восторожности ради Н. И. Николаев не дает подобной реконструкции для района Киик-коба, т. е. не поднимает уровень р. Зуи на высоту более 30 м над современным ее уровнем.

Некоторое сомнение вызывает и другое положение Н. И. Николаева, а именно: «Сохранность пещер на различных уровнях различна. Расположенные более низко сохраняются более хорошо, а пещеры, расположенные на более высоких участках склона, вследствие процессов выветривания и денудации, подвергаются сильным разрушениям и не сохраняют свой первоначальный вид» (там же, стр. 52).

Это положение Н. И. Николаева не может быть обосновано при серийном анализе фактов. Степень сохранности пещерных и подобных им образований зависит не только от положения их на склоне. На степень сохранности оказывают сильное влияние и другие факторы, как то: структура породы, в которой вырабатывается пещера, растворимость породы, наличие трещин в породе, ориентировка склона, защищенность от ветров и, наконец, даже время образования. Последнее совершенно необходимо учитывать, так как на одном и том же уровне, в той же самой породе, и даже рядом, могут располагаться пещеры, гроты и навесы более древние и более молодые. Высота расположения пещеры не является единственным и активным фактором, определяющим степень сохранности пещеры.

В тех же отрогах скалистого кряжа, в котором находится Киик-коба, на одном уровне с этим гротом, имеется ряд молодых карстовых образований великолепной сохранности, чего нельзя сказать про Киик-кобу.

Далеко не плохо сохранились Чатырдагские пещеры, пещеры в скальном хребте, прикрывающем с севера Байдарскую долину, или пещеры в отрогах Долгоруковской Яйлы. Наоборот, низко расположенные убежища, такие как Чокурча, Сюрень I и Шан-коба, т. е. памятники, представляющие разные эпохи человеческой истории от древнего палеолита до мезолита, дают пример хорошо разработанных карстовых камер, претерпевших ряд денудационных нарушений.

Раскопки в Чокурче вскрыли следы древних обвалов наружной крыши навеса. В Сюрени I тоже наблюдались отдельные крупные блоки камня, расположенные в границах навеса. У навеса Шан-коба располагается группа обвалившихся крупных камней, некогда составлявших наружную часть потолка грота. Примеры обратных соотношений сохранности пещерных образований, независимо от высоты положения их на склонах, можно было бы значительно умножить. На протяжении тысячелетий, возможно, происходили изменения внутри скалистых убежищ, так же как изменялся и их внешний вид, который, однако, не резко отличается от современного их вида. Изменения же фиксируются почти для каждого исследованного скалистого убежища и дополняют его индивидуальную характеристику.

В связи со сказанным следует обратить внимание и на расположение культурных остатков в ряде карстовых убежищ, свидетельствующее не столько о перемещении центров поселений в разные периоды заселения убежищ, сколько об исключительно медленной изменчивости самих камер, особенно их роста в глубину породы. Перед нами разновозрастные поселения в Кирик-кобе, Чокурче, Шайтан-кобе, Сюрени I, Шан-кобе, Мурзак-кобе. Проследим в каждом из названных скальных убежищ распространение культурных остатков внутри жилых камер. В Кирик-кобе, этом наиболее древнем палеолитическом местонахождении Крыма, культурные остатки распределяются почти по всей площади грота, с наибольшим количеством их на центральных участках. Однако и периферийные участки тоже содержали отдельные кремни и мелкие обломки костей животных. В хвостовой части грота, в одном из отвершков (участок 79) были найдены крупные кости посорога и лошади, видимо попавшие сюда вместе с запасом мяса (Бонч-Осмоловский, 1940).

В Чокурчинском гроте культурные остатки размещены аналогично тому, что наблюдалось в Кирик-кобе, т. е. почти по всей жилой площадке. Граница распространения находок в Чокурчинском гроте совпадает с внутренней задней стенкой его. Интересно распределение культурных остатков в навесе Шайтан-коба. Здесь в эпоху средневековья верхняя часть отложений, содержащая палеолитические находки, была выщелена в целях понижения уровня пола. Верхний уровень залегающий над ним слой великолепно фиксируется полосой известкового натека, идущего горизонтально по стенке навеса. В этом спекшемся слое, уцелевшем от выброса, обнаружено немало обломков костей животных, кремневые осколки и пластинки и даже мустьерский дисковидный пукл (Бонч-Осмоловский, 1930).

Культурные остатки в ниже расположенном горизонте залегают по всей площади стоянки. Можно с уверенностью сказать, что навес Шайтан-коба если и изменился со времени мустьерской эпохи, то только в час близкой к входу, хотя и здесь едва ли произошли крупные обвалы, способные значительно сократить площадь навеса. Напомню, что насыщенность отложений Шайтан-кобы культурными остатками вовсе не свидетельствует о периферийном положении раскопанных участков. В Сосолье близ Бахчисарая великолепно сохранившийся грот был наче

вычищен в средневековое время и пол его был превращен в место, где добывался камень для построек. Палеолитическое местонахождение с мощным культурным слоем, открытое здесь А. А. Формозовым, примыкает к вычищенному гроту и частично находится под скалистым карнизом (Формозов, 1953). Произведенные им раскопки показывают, что навес не слишком изменил свою форму со времени мустьерской эпохи; он мало углубился и не слишком изменился внешне. Культурные остатки залегают и здесь вблизи задней стенки навеса, а следы обвалов кромки скалистого навеса относятся еще ко времени, предшествующему заселению навеса мустьерским человеком.

Несколько иную картину можно наблюдать в навесах Сюрени I и II. Рядом расположенные навесы едва ли образовались в разное время, как думал в свое время Г. А. Бонч-Осмоловский. Против такого предположения говорит ряд фактов и среди них такой важный аргумент, как стратиграфическое единство на участках стыка этих навесов. В Сюрени I имеет место мощное (до 9 м) отложение обломков известняка, отслоившихся от стенок и потолка навеса. Эта толща пререзывается тремя верхнепалеолитическими очажными слоями.

Отложения в Сюрени I представлены в основном плоскими некрупными отдельностями, но здесь же имеются и очень крупные блоки камня, упавшие с потолка навеса. Достаточно сказать, что в процессе раскопок не всегда было возможно с помощью имевшихся тогда технических средств удалить эти глыбы известняка с площадки раскопа. Приходилось проходить загроможденные участки путем поджога (тушением) или чаще удалять камень с помощью подрывных работ. Изучение распространения культурных остатков в Сюрени I по площади навеса и соотношению уровней залегания культурных слоев, позволяет сделать выводы о росте навеса в глубину и в высоту в определенные отрезки времени. В Сюрени I за время, прошедшее от накопления нижнего культурного слоя (по Бонч-Осмоловскому, — нижний ориньяк) до конца накопления верхнего слоя (по его же данным, — верхний ориньяк), рост навеса в глубину составил около метра. Этот показатель исчисляется простым измерением простирания культурного слоя в глубину навеса на уровнях верхнего и нижнего слоев.

Другие показатели дают измерения мощности межочажных отложений на разных уровнях. Как было сказано, толща отложений в Сюрени I составляет около 9 м, т. е. примерно столько же, сколько и современная высота навеса. Наиболее древний уровень поселения лежит на глубине около 5 м ниже современного пола навеса¹. Верхний культурный горизонт залегают максимально на 1,0 м ниже современного пола. Следовательно, между первым и третьим культурными слоями за время, разделяющее нижний и верхний ориньяк, накопился слой мощностью в 4 м.

Как видно из приведенных данных, рост навеса в глубину был в четыре раза медленнее, чем рост его в высоту. Насколько изменился навес внешне, сказать трудно, во всяком случае не будет ничего невероятного, если представить себе его древний вид довольно близким к современному. При образовании навеса процесс разрушения породы и отложение ее на месте приводили к одновременному поднятию кровли и пола навеса. Таким образом, внешний вид навеса в целом и его размеры могли оставаться

¹ Здесь не учитываются находки костей животных, встреченные на уровне, близком к скалистому дну навеса. Появление их может быть отнесено на счет намыва водой во время наводнения.

достаточно близкими к современным. Навес Сюрень I интересен своеобразными плиточными отложениями и быстротой роста в высоту.

Обратившись к пещерным поселениям начальной поры голоцена, можно констатировать, что рост пещерных образований вглубь оставался весьма незначительным. Так, например, в гроте Мурза-коба на р. Черной культурные остатки распределяются по всей площади грота, захватывая самые крайние участки, граничащие со стенками грота. Внешний же вид грота, видимо, все же несколько переменился. Об этом можно судить по осевшему полу грота, перекрывающему нижний ярус грота, замаскированный делювиальным наносом. В нижнем ярусе, как показали раскопки, тоже оказались, правда, не совсем ясные следы послепалеолитической культуры.

В другом, не менее интересном навесе Шап-коба, содержащем 2-метровую толщу отложений, переслоенную четырьмя последовательно сменяющими друг друга культурными слоями, датированными от азилия до раннего неолита, картина распространения культурных остатков остается той же. Культурные остатки распространяются вглубь навеса до задней стенки, причем находки отмечаются и на тех участках, которые находятся под самыми пониженными частями потолка. Впрочем то же наблюдалось и в других древних поселениях, располагавшихся в карстовых образованиях.

Из приведенных данных о росте карстовых образований в глубину, полученных на основании наблюдений над распространением культурных остатков на жилой площадке, можно сделать вывод, что процесс роста пещер и других карстовых образований в глубину идет весьма медленно. Почти все палеолитические пещеры в Крыму дают очень малые показатели прироста камер.

Г. А. Бонч-Осмоловский попытался сформулировать правило длительности пещерообразования. Правило это связывается автором с величиной угла нарастания пещеры. Углом нарастания пещеры Г. А. Бонч-Осмоловский называет «отношение горизонтали к линии, или распространения культурных остатков постепенное углубление стены пещеры в скалу. Величина этого угла обратно пропорциональна скорости процесса пещерообразования на данном отрезке времени. Так, на основании этих углов можно судить о том, что отложения грота Киник-коба накапливались более длительное время, чем отложения скалистого навеса Сюрень I» (1934, стр. 125). Это правило является далеко не универсальным. Не все ясно и в самих формулировках, определяющих взаимосвязь величины угла и скорости процесса образования пещеры на данном отрезке времени, так же как трудно уяснить себе и определение угла нарастания, выраженного отношением горизонтали к линии перелома плит или распространения культурных остатков. Эти несколько туманные математические определения не стесывают, однако, очень плодотворной мысли автора, призывающего вести наблюдения над распространением культурных остатков, которые могут отмечать постепенный рост пещер. Эта мысль Г. А. Бонч-Осмоловского находит подтверждение в приведенных материалах.

Подведем некоторые итоги. Высотное расположение пещерных поселений на склоне далеко не всегда служит показателем древности поселения.

Рельеф Крыма с плейстоцена до наших дней мало изменился. Во всяком случае трудно согласиться с тем, что долины крымских рек в эпоху палеолита соответствовали уровням расположения древних поселений. Такому предположению противоречит ряд данных, в том числе от

сутствие ясно выраженных аллювиальных отложений в виде, например, слоя галечников на стоянках. Присутствие на палеолитических поселениях окатанных гольшей (например, в Староселье, Чатырдагские пещеры) свидетельствуют о местном окатывании породы. Местная (не речная) окатанность породы отмечается и в карстовых пустотах около с. Ильинки Одесской области, где были найдены псевдопалеолитические скопления костей в карстовых карманах. Возможно, что таково же происхождение галечника из Ахштырской пещеры на р. Мзымте (Замитниц, 1950)¹.

Выбирая места для поселений, палеолитический человек руководствовался рядом практических соображений. Одним из важных условий было обеспечение надежного укрытия от враждебных групп людей и от хищных животных. Высокое расположение поселения под карнизом скалы делало такое поселение мало доступным, очень удобным для защиты и хорошо замаскированным. Столь же необходимое условие — близость воды и охотничьих угодий. В этом отношении палеолитические поселения в Чокурче и Киик-кобе являют собой пример, целиком соответствующий этим требованиям. Оба они хорошо скрыты на местности, хотя и находятся на различных уровнях по отношению ко дну долины, оба близко расположены у водных источников. Кроме того, Чокурча и Киик-коба располагаются вблизи охотничьих угодий. Киик-коба расположена на границе с обширным плато, круто обрывающимся к долине р. Зуи и граничащим с лесостепным районом. Чокурча расположена на скалистом уступе, на границе лесостепи и предгорья.

Выгодные экономические условия побудили древнепалеолитического человека воспользоваться этими естественными скалистыми убежищами, удобными также и для обитания. Основываясь на одинаковом возрасте верхнего стоя Киик-кобы и Чокурчи и в то же время на резко различном уровне расположения этих стоянок, можно предположить, что древнепалеолитический рельеф здесь не слишком отличался от современного. Поэтому дальнейшие поисковые работы в Крыму с целью обнаружения древнего палеолита не следует ориентировать только на высокие отметки, так же как не нужно отдавать предпочтение карстовым образованиям, расположенным на солнечной стороне, как это делалось раньше. Поселения в Чокурче и Киик-кобе предохраняют от подобных ошибок.

При разведке и раскопках древних поселений, находящихся в карстовых образованиях, необходимо вести наблюдения над размещением культурных остатков по всей площади поселения. Исследователи пещерных местонахождений много внимания уделяют этому вопросу с целью выяснения планировки поселения, выявления его центра, установления возможного перемещения такового в случае многослойности памятника и т. п. Значительно меньше ведется наблюдений над распределением остатков культуры на периферийных участках поселений, расположенных в карстовых образованиях. Между тем такие наблюдения помогут установить древнюю конфигурацию скалистых убежищ, последовательность изменений, происшедших с ними вследствие денудационных и других процессов. Возможно, что детальное изучение отложений и культурных остат-

¹ Этот вывод автора статьи противоречит имеющимся геологическим фактам. Рельеф горного Крыма претерпел за четвертичный период значительные изменения, в связи с имевшими здесь место тектоническими поднятиями. Речные долины оказались врезанными за это время на большую глубину. Что касается Ахштырской пещеры, то следует прежде всего заметить, что она находится не в Крыму, а в Закавказье, где следы тектонических нарушений террас достаточно ясны.—Ред.

ков в пещерах, гротах и навесах будет способствовать реконструкции ландшафтов в четвертичное время.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Бонч-Осмоловский Г. А. Шайтан-коба, крымская стоянка типа Абри
Оди. Бюлл. КЧ, № 2. М.—Л., 1930.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита. Тр.
II Междунар. конф. АНЧПЕ, вып. V, М.—Л., 1934.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма, вып. I. Грот Кник-коба
М.—Л., 1940.
- Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии
континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Мле-
копитающие, палеолит). Тр. ИГиН АН СССР, вып. 64, геол. сер., 1948.
- Замятин С. Н. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI,
1950.
- Николаев П. И. Материалы к геологии палеолита Крыма и связанные с ним
некоторые общие вопросы четвертичной геологии. Бюлл. МОНП, нов. серия,
т. XLVIII, 1940.
- Формозов А. А. Возобновление полевых исследований по каменному веку
Крыма. Бюлл. КЧ, № 18. М., 1953.